

Стоя под душем, Рон позволил себе сосредоточиться только на струе горячей воды, льющейся на него. Хотя многие не назвали бы его глубоким мыслителем, Рон не был глупцом и часто обнаруживал, что у него больше мыслей, чем ему хотелось бы. Душ помогал в этом. Сейчас Рон чувствовал, что его переполняют мысли, которых не было уже очень давно, и ему определенно хотелось от них избавиться.

Строго говоря, душ ему был пока не нужен. Ему еще долго не нужно было идти на работу, но ему нужен был повод, чтобы выйти из-за стола - оставить Джинни. Да и сам душ был неплох. Тем не менее, мысли о том, чему он был свидетелем на кухне, невольно лезли в голову. Когда он представлял себе свою идеальную домашнюю жизнь в юности, ему было бы трудно сказать, что то, что он наблюдал раньше, было ближе всего к этому. Конечно, он никогда не представлял свою сестру в таком виде; обычно это была Гермиона, а одно время и Лаванда. Тем не менее, сцена с сестрой по-прежнему радовала его.

Когда он увидел ее, ему захотелось подойти к этой прекрасной ведьме, обхватить ее стройное тело и поцеловать в шею. На душе стало тоскливо. Он любил Гермиону, но ничего подобного не происходило. Гермиона не умела танцевать, да и вообще петь. Теперь, когда он задумался об этом, ему показалось, что он никогда не видел, как она танцует. Может быть, один раз, на провальном Йольском балу. А может быть, и после этого. Главное, что он не мог вспомнить. Даже на их свадьбе Гермиона не танцевала.

Если подумать, когда они в последний раз целовались? Рон тоже не мог вспомнить. Рон никогда не думал, что у них с Гермионой всё плохо, но где-то, когда-то, долг, похоже, полностью превзошёл удовольствие. Рон не замечал этого, потому что после всего случившегося выполнение долга перед семьей казалось единственно важным. Они с Гермионой хорошо ладили, они нравились друг другу, и они оба эффективно выполняли свои обязанности, чтобы обеспечить хороший дом своим детям. В какой-то момент романтика и - да, Рон готов был это признать - секс перестали быть частью этого.

Не то чтобы у них было много секса. Дело не в том, что Гермиона была ханжой или имела странные представления о супружеских правах и обязанностях, просто она никогда не проявляла к этому особого интереса, а Рону было трудно получать удовольствие от секса с

женой, когда она явно делала это в основном только для того, чтобы быть хорошей женой. Да и романтикой она никогда не увлекалась. Она была тихой - когда получала удовольствие, - как и их отношения, по крайней мере, после их страстного (в смысле борьбы) начала. Когда они научились ладить друг с другом, все пошло как по маслу. Теперь, когда Рон об этом думал, возможно, даже слишком гладко. Рон никогда не скучал по прекрасному сексу и романтике, потому что у него их никогда не было. После встречи с Джинни он начал задумываться, не упускает ли он что-то. Была ли у Гарри и Джинни романтиками? Похоже, что да. А у Гарри был отличный секс? Рон выкинул эту мысль из головы.

Это было безумием. Он никогда не бросит Гермиону, он знал это. Даже если бы закон позволял ему развестись с ней по причине отсутствия романтических отношений, он знал, что никогда не поступит так с ней и со своей семьей. Кроме того, с какой ведьмой это может произойти? У него не было ни одной настолько близкой, чтобы он мог даже подумать об этом.

Он снова покачал головой и вздохнул. Ему нужно было работать.

--|--

В тот первый день Рон был удивлен, когда, вернувшись домой, застал Джинни за приготовлением ужина. Он не ожидал этого, и Джинни объяснила ему, что Гермиона попросила ее оставаться здесь почти двадцать четыре часа в сутки. Она уходила домой спать, а когда Рон был дома, присматривала за детьми, но кроме этого она выполняла роль своего рода заместителя матери, пока Гермиона была в отъезде. Рону это почему-то не нравилось, но он отмахнулся от этого чувства и просто наслаждался тем, как Джинни готовит.

После этого у них установился определенный порядок вещей. В большинстве дней Джинни готовила завтрак и ужин, а Рон, как правило, готовил обед и присматривал за Хьюго и Розой в середине дня. Иногда они менялись местами, чтобы учесть тренировки и игры Джинни по квиддичу или работу Рона над делом, но в основном они жили обычной домашней жизнью. Всё это вызывало у Рона какое-то тошнотворное, покалывающее, пушистое чувство, которое он не мог определить, как к нему относиться. Присутствие сестры в доме было, на удивление, приятным, и Рон понял, что быстро привыкнет к этому. Даже те немногие ссоры, которые у них случались, доставляли ему удовольствие, потому что спорить с Джинни было так приятно, как не случалось уже целую вечность, и это напоминало ему о доме. А ещё, как он не хотел

признавать, это заставляло его снова чувствовать себя увлечённым чем-то. И только когда он осознал, что чувствует это, он понял, что не чувствовал этого раньше. И все же что-то не давало ему покоя.

Не то чтобы Джинни делала что-то плохое. Рон, вероятно, получал лучшее домашнее лечение, чем когда-либо прежде. Она была доброй, заботливой, с ней было приятно находиться рядом, даже больше, чем когда-либо в детстве (прямо-таки маленькая заноза, подумал Рон). Может быть, это было чувство вины перед Гарри, который выглядел вполне нормально на работе, но которого Рон так легко мог представить сидящим дома и рассматривающим при свете палочки фотографии своих родителей, Сириуса или Фреда.

Но, возможно, дело было не в этом. Рон даже спрашивал Гарри о ситуации, но Гарри настаивал, что все в порядке. Он только сочувствовал им с Гермионой и хотел сделать всё возможное, чтобы помочь (он даже оплатил поездку Гермионы в Австралию и предложил не только помочь ей и Рону деньгами, но и оплатить медицинские счета миссис Грейнджер). Он даже (несколько нервно) признался Рону, что "хорошо, что у меня есть немного свободного времени. У меня давно его не было".

В конце концов, Рон решил, что проблема в том, что Джинни ведет себя в его доме положительно по-женски. Рон чувствовал себя неловко, хотя и понимал, что ему нравится её поведение. Она не делала ничего неподобающего, думал Рон, но почему-то казалось, что она суетится по дому, присматривает за его детьми или готовит ему ужин, как будто ей не следовало этого делать. Возможно, это было просто чувство вины за то, что она не взяла на себя всю нагрузку по работе, как, возможно, собиралась Гермиона.

Он надеялся, что это просто чувство вины из-за нагрузки.

--|--

То, что Рон назвал "Инцидентом", произошло примерно через две недели после отпуска Гермионы. Они с Джинни устроились так, как им было удобно, но, видимо, это было удобнее,

чем Рон предполагал.

Надо понимать, что Рон привык к определенным привычкам в своем доме. Когда Рон был моложе, в доме, где живут ещё восемь человек, действовало правило "всегда стучать", но когда он женился на Гермионе и переехал, это правило отошло на второй план. Сейчас, когда в доме остались только жена и двое детей, которые ещё только учились личной гигиене (если вообще учились), Рон вполне привык входить в дом, куда ему заблагорассудится. Это не значит, что он врывался везде, но у них с Гермионой бессознательно выработалась негласная система распознавания, когда можно входить, а когда нет. И только после "Инцидента" Рон понял, насколько сильно он полагается на эту систему.

Недолго думая, он зашел в ванную комнату, но тут же был сбит с толку тем, что она была полна пара - и песен. Он еще не до конца проснулся и собирался принять душ с утра пораньше - возникло дело, по которому он был нужен, - и, видимо, бездумно забрел в душ сестры. И не мог оторвать глаз.

Первой его мыслью было: с каких это пор Джинни принимает душ у меня дома? Второй мыслью было почти "почему?", прежде чем пар расступился, открывая ему её обнажённое тело. Эта мысль быстро улетучилась, сменившись мыслями совершенно иного рода. Она была великолепна, молодая женщина в самом расцвете сил. Изогнутая и изящная во всех нужных местах, она напоминала что-то из эротических фантазий Рона.

И тут она заметила его и покрылась потом от крика. — Рон! — закричала она. — Какого хрена ты здесь делаешь?

— Извини! — воскликнул Рон и быстро захлопнул дверь, уходя.

В тот день он отправился на работу без душа. И без завтрака, не став задерживаться, чтобы Джинни его приготовила.

--|--

Следующие несколько дней на работе были просто катастрофой. Обычно ему очень нравилась его работа, да и дело, над которым он должен был работать, было интересным, но он никак не мог отвлечься от мыслей о Джинни. Каждый раз, когда он пытался сосредоточиться на чём-то, в его голове проносилось видение её обнажённого тела, вызывая одновременно отвращение и возбуждение. Она была его сестрой, постоянно напоминал он себе, но в то же время она была самой сексуальной девушкой, которую он когда-либо видел. Достаточно было того, что он осознал свою сексуальную недостаточность, но теперь, после того как он увидел сестру обнаженной, она стала главной звездой его сексуальных фантазий.

Дело было не в том, что его собственная жена, Гермиона, была непривлекательной. Гермиона и в самом деле неплохо располнела, о чём Рон был хорошо осведомлён. Она была сексуальной женщиной, но оставались два факта. Один из них вызывал у Рона чувство вины, хотя и был объективной правдой, и заключался в том, что Джинни была более сексуальной женщиной. Его жена не могла сравниться с его сестрой. Другой факт заключался в том, что Джинни вела себя по-женски под его крышей, а Гермиона уже давно не вела.

Его тошнило, но яма в животе и дрожащие руки только усиливали возбуждение.

Не то чтобы он раньше не знал, что Джинни была привлекательной женщиной. В последние школьные годы у Рона даже было множество фантазий о ней, которые вызывали у него отвращение к самому себе и которые он очень старался забыть. В последнее время Рон осознал это в более ощутимых деталях. Дело было не только в том, что он увидел ее голой в душе, но и в том, что за несколько лет совместной жизни гардероб Джинни, казалось, изменился. Если в детстве она старалась быть как можно больше похожей на мальчика, категорически отвергая платья, которые покупала для неё мама, то теперь, казалось, она их обожала. Юбки, платья, блузки и всевозможные женственные вещи были её любимыми предметами гардероба, все они обтягивали фигуру и заставляли Рона с болью вспоминать о женских достоинствах сестры. К этому добавлялось и то, что раньше его фантазии о Джинни были совсем не похожи на реальность, на то, чтобы стать его женой. А теперь, когда она была в его доме и вела себя по-женски? Казалось, что Рон может просто взять её на руки и отнести в постель...

Это привело к плохой фокусировке.

В конце концов, ДМЛЭ просто сказал ему взять несколько дней отпуска и разобраться со своими проблемами. Гарри пытался расспросить его об этом, но Рон сказал ему, что беспокоиться не о чем. Рон ведь не собирался рассказывать парню, что у него были фантазии о том, как он трахает его жену, не так ли? В конце концов Рон добрался до магазина шуток своего брата Джорджа. Он не работал в этом магазине, но часто заходил туда и помогал, когда не мог больше работать в министерстве. Джордж иногда платил ему, иногда нет, но для Рона это было дороже времени, проведенного с оставшимся близнецом.

Но даже это не помогло. Рон устраивал беспорядок, роняя бутылки и складывая предметы не в те места, что иногда приводило к катастрофическим последствиям, так как различные шалости, предметы и шутки вступали в реакцию друг с другом. В результате получился ужасный беспорядок, и Рон настоял на том, чтобы он его убрал, но после того, как Рон вытряхнул насадку швабры прямо на пол и вылил на неё смесь зелий, Джордж велел ему прекратить.

— Уже скучаешь по Гермионе? — спросил Джордж с дразнящей улыбкой на лице. — Не думал, что ты настолько зависим от нее. Трагично, правда. Великий Рон Уизли, герой войны, полностью выбитый из колеи.

— Да отвали ты, придурок, - ответил Рон. — Я просто... у меня были некоторые проблемы.

Лицо Джорджа из шутливого превратилось в серьезное, но он не стал допытываться. Рон был рад. Как он мог рассказать брату, что у него были сексуальные фантазии об их сестре? Их младшей замужней сестре?

— Слушай, приятель, просто иди домой. Сейчас ты здесь хуже, чем бесполезен.

— Но у вас так много клиентов! Тебе сегодня нужна помощь! — запротестовал Рон, не очень-то желая идти домой, где он может столкнуться с Джинни.

Джордж бросил на него неприязненный взгляд. — Я и без тебя прекрасно справляюсь с магазином. Кроме того, ты отталкиваешь большинство покупателей, чем не помогаешь!

— Ох, отвали — сказал Рон, без тепла. И всё-таки Джордж был прав... С такими темпами он может даже разрушить магазин.

Бродя по переулку к точке исчезновения, не торопясь, он прошел мимо винного магазина и почувствовал острое желание. Не раздумывая, он зашел в магазин и купил бутылку лучшего огневиски. Он не собирался этого делать - да и не входило это в его бюджет, - но с момента приезда Джинни он чувствовал острую потребность в алкоголе, а с учётом последних неприятностей в их отношениях уже не мог себе в этом отказать. С этими словами он пошел и скрылся в доме.

Джинни, как он и ожидал, была там, играя с Хьюго и Розой. Однако стоило ему только взглянуть на нее, и она решила уйти. — Хорошо, что ты вернулся раньше, - сказала она. — Я давно обещала кое-что сделать и забыла об этом. Я вернусь к ужину, — и с этими словами она ушла. Рон задался вопросом, действительно ли у нее было какое-то дело, или это был просто предлог, чтобы уйти от него. Рон не мог ее винить. Рон тоже старался держаться от неё подальше, и по большей части им обоим это удавалось. Ни один из них не хотел обсуждать "Инцидент", и поэтому они не обсуждали его.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/3571/88070>